

Мережковский Дмитрий Сергеевич

**Не мир, но меч. К будущей
критике христианства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Сергеевич М.**
Не мир, но меч. К будущей критике христианства / Мережковский Дмитрий
Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 216 с.

ISBN 978-5-519-96270-4

ISBN 978-5-519-96270-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавление

СТРАН.

Мечъ	I
Революція и религія	<u>41</u>
Послѣдній святой	119
Отвѣтъ на вопросъ	<u>193</u>
Предисловіе къ одной книгѣ	201

М Е Ч Ъ

Д. Мережковскій

Есть Богъ или нѣтъ? Вотъ, кажется, самый нелюбопытный вопросъ въ наши дни. Кто-то недавно хотѣлъ „убить Бога“. Жалкое безуміе—убивать мертвого.

Впрочемъ, живъ Богъ или умеръ, какое дѣло людямъ до Бога? На что имъ Богъ? Они наги—Богъ не одѣлъ ихъ; голодны—Богъ не накормилъ; въ рабствѣ—Богъ не освободилъ. У звѣрей нѣтъ Бога, а люди живутъ хуже звѣрей. Сначала сдѣлайте людей людьми, а потомъ говорите имъ о Богѣ.

Чѣмъ на это возразить? Словами—стыдно; а дѣлами—гдѣ же собственно религіозныя дѣла нашихъ дней? Какъ не доказать, а показать, что религія—самое нужное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ? Если что-либо въ религіозныхъ переживаніяхъ потеряно окончательно и, какъ будто, неозвратно, то это именно ощущеніе религіознаго дѣйствія. Пока говоришь о религіи, какъ объ идеалѣ, всѣ соглашаются или, по крайней мѣрѣ, никто не споритъ—кажется, впрочемъ, потому, что всѣмъ наплевать; но, только что пытаешься связать религію съ реальною дѣйствительностью, оказываешься или въ дуракахъ или въ подлецахъ, ибо за память современнаго человѣчества единственная религіозно-общественная реальность—глупость обманутыхъ, подлость обманщиковъ.

Есть Богъ или нѣтъ? Вотъ, кажется, самый нелюбопытный вопросъ въ наши дни. Кто-то недавно хотѣлъ „убить Бога“. Жалкое безуміе—убивать мертваго.

Впрочемъ, живъ Богъ или умеръ, какое дѣло людямъ до Бога? На что имъ Богъ? Они наги—Богъ не одѣлъ ихъ; голодны—Богъ не накормилъ; въ рабствѣ—Богъ не освободилъ. У звѣрей нѣтъ Бога, а люди живутъ хуже звѣрей. Сначала сдѣлайте людей людьми, а потомъ говорите имъ о Богѣ.

Чѣмъ на это возразить? Словами—стыдно; а дѣлами—гдѣ же собственно религіозныя дѣла нашихъ дней? Какъ не доказать, а показать, что религія—самое нужное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ? Если что-либо въ религіозныхъ переживаніяхъ потеряно окончательно и, какъ будто, неозвратно, то это именно ощущеніе религіознаго дѣйствія. Пока говоришь о религіи, какъ объ идеалѣ, всѣ соглашаются или, по крайней мѣрѣ, никто не споритъ—кажется, впрочемъ, потому, что всѣмъ наплевать; но, только что пытаешься связать религію съ реальною дѣйствительностью, оказываешься или въ дуракахъ или въ подлецахъ, ибо за память современнаго человѣчества единственная религіозно-общественная реальность—глупость обманутыхъ, подлость обманчиковъ.

Умеръ Богъ въ человѣчествѣ, но не въ человѣкѣ; въ обществѣ, но не въ личности; во всѣхъ, но не въ каждомъ. Потребность религіозная свойственна человеку въ такой же мѣрѣ, какъ и всѣ естественныя потребности. Религіозное чувство есть высшій метафизическій предѣлъ физическаго чувства самосохраненія, предѣлъ, который достигается изъ всѣхъ животныхъ однимъ человекомъ, сознающимъ смерть. Я знаю, что умру; но хочу жить и послѣ смерти—вотъ начало религіи. Религія и есть именно то, что отличаетъ видъ животного—человѣка отъ всѣхъ прочихъ животныхъ: человѣкъ—религіозное животное.

Едва ли даже люди, чуждые всякой религіи, не согласятся съ тѣмъ, что цѣль и смыслъ жизни есть счастье, и что счастье—любовь. Любить значитъ радоваться тому, что есть любимый, и хотѣть, чтобы онъ всегда былъ; не хотѣть, чтобы онъ былъ, согласиться на то, чтобы его не было, значитъ не любить. Любовь есть реальное и въ то же время трансцендентное утвержденіе личнаго бытія. Смерть есть такое же реальное и въ то же время трансцендентное отрицаніе этого бытія, уничтоженіе личности. Всякая жизнь побѣждается смертью. Чтобы дать жизни смыслъ, мы должны въ любви утверждать вѣчное бытіе личности; но смертью, уничтожающей личность, уничтожается и любовь, единственный возможный для человѣка смыслъ жизни.

Для того, чтобы понять неотразимость этой антиноміи, нуженъ опытъ любви и смерти. У всякаго человека онъ былъ или будетъ. Всякій человекъ въ извѣстное мгновеніе своей сознательной жизни приводится двумя величайшими реальностями бытія—любовью и смертью—къ необходимости религіи. Всякій человекъ

болѣе или менѣе знаетъ, что такое Богъ, потому что болѣе или менѣе знаетъ, что такое любовь и смерть.

Когда умираетъ любимый, любящій не перестаетъ любить. Это—чудо или безуміе. Какъ я могу любить умершаго или даже того, кто можетъ умереть, долженъ умереть? Не утверждается ли для меня абсолютно въ моей любви то самое личное бытіе, которое столь же абсолютно отрицается въ смерти? Я знаю, что любовь—сущность моей жизни, и что я только потому, только тѣмъ и живу, что люблю. Но, признавъ, что смерть есть уничтоженіе личности, и все-таки любя мертваго, смертнаго, я утверждаю волею то, что отрицаю разумомъ, утверждаю, что есть то, хочу, чтобъ всегда было то, чего, я знаю, уже нѣтъ или завтра не будетъ. Утверждаю и отрицаю одно и то же—безумствую. И люблю, живу только до тѣхъ поръ, пока безумствую; а едва возвращаюсь къ разуму, перестаю жить. Мой разумъ отрицается моей жизнью; моя жизнь отрицается моимъ разумомъ. Остается одно изъ двухъ: или, принявъ эту нелѣпость, отказаться отъ разума, предаться неисцѣлимому безумію; или, не покоряясь эмпирической безвыходности, искать уже не эмпирическаго, а трансцендентнаго выхода.

Его-то и указываетъ религія. Но, когда нѣтъ религіи, которая могла бы дать единый истинный выходъ, люди подмѣняютъ ее многими ложными, какъ созерцательными, такъ и дѣятельными.

2

Одинъ изъ такихъ ложныхъ выходовъ созерцательныхъ — искусство, какъ религія.

Послѣдній религіозный предѣлъ искусства — траги-

ческое созерцаніе міра. Личность героя въ трагедіи, достигая высшаго проявленія воли, гибнетъ въ борьбѣ съ безличною силою рока или страсти. Въ мнимомъ идеальномъ исходѣ эстетическаго созерцанія только углубляется реальная безысходность мірового зла.

Величайшее благо —
Совсѣмъ не рождаться,
А родившись,
Умереть поскорѣй.

Подъ радужнымъ покровомъ мимолетныхъ символовъ прозрѣвается искусствомъ вѣчный мракъ ничтожества, заложенный въ основу міра. Нѣтъ и не можетъ быть красоты, потому что всякая красота жизни побѣждается уродствомъ смерти.

Когда же искусство, выходя изъ предѣловъ своихъ и становясь на мѣсто религіи, ищетъ примиренія съ трагическимъ смысломъ бытія въ самомъ себѣ, то творящая эстетика вырождается въ безплодный эстетизмъ всѣхъ упадковъ. Творчество до тѣхъ поръ только и живо, пока символы его имѣютъ религіозный смыслъ, болѣе глубокій, чѣмъ эстетическій. Самая жалкая карикатура на творцовъ-художниковъ — эстеты, академическіе скопцы, никогда ничего не рождавшіе. Эстеты — могильные черви, развѣдающіе трупъ искусства.

Другой ложный созерцательный исходъ — наука, какъ религія.

Созерцаніе научное, на послѣднихъ предѣлахъ своихъ, приходитъ къ тому же, къ чему эстетическое. Въ міровомъ процессѣ эволюціи познается вѣчность матеріи, вѣчность движенія и мимолетность всякой отдѣльной жизни, всякой личности. Личность — переходящее явленіе безличной непроходящей силы. Безсмертно — Все; но безсмертіе Всего — смерть всѣхъ. Природа соз-